

// Вісник Харківського нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. Серія філософія.
Філософські перипетії. – 2013. – № 15. – С. 32-37.

УДК 165.8

Морозова Е. И.

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

СОВРЕМЕННЫЕ НАУЧНЫЕ ПРОГРАММЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Статья посвящена сравнительному анализу научных программ исследования естественного языка, предлагаемых современной когнитивной лингвистикой (символично-репрезентационная семантика и коннекционизм). Показано, что становление когнитивной лингвистики представляет собой закономерный процесс, развивающийся в соответствии с основными этапами эволюции гуманитарного и естественнонаучного знания. Общий вектор развития этого направления лингвистической науки можно определить как тенденцию к углублению представлений о мотивированности значения опытом в единстве его динамического и статического аспектов.

Ключевые слова: естественный язык, когнитивная лингвистика, коннекционизм, научно-исследовательская программа.

Морозова О. І. Сучасні наукові програми дослідження мови. Стаття присвячена порівняльному аналізу наукових програм дослідження природної мови, пропонує сучасною когнітивною лінгвістикою (символіко-реперезентаційна семантика та конекціонізм). Показано, що становлення когнітивної лінгвістики закономірним процесом, який розвивається у відповідності до основних етапів еволюції гуманітарного та природничого наукового знання. Загальний вектор розвитку цього напрямку лінгвістичної науки можна визначити як тенденцію до поглиблення уявлень щодо вмотивованості значення досвідом у єдності його динамічного та статичного аспектів.

Ключові слова: природна мова, когнітивна лінгвістика, конекціонізм, науково-дослідницька програма.

Morozova E. I. Present-Day Research Programs for Investigating Language. This article compares the research programs offered by the present-day cognitive linguistics (symbolic-representational semantics and connectionism) for investigating natural language. It is shown that the making of cognitive linguistics is a process consistent with the main evolutionary stages of humanitarian and natural-scientific knowledge. The general vector of the development of this branch of linguistics can be defined as a tendency to broadening people's knowledge on the experiential foundations of meaning in the unity of its dynamic and static aspects.

Key words: natural language, cognitive linguistics, connectionism, research program.

Целью данной статьи является сравнение научно-исследовательских программ, реализуемых в рамках когнитивной лингвистики. Для этого ставятся

следующие **задачи**: во-первых, охарактеризовать основные подходы к пониманию природы значения в когнитивной лингвистике; во-вторых, провести параллели между этими подходами и научно-исследовательскими программами модерна и постмодерна. **Актуальность** данной проблематики обусловлена ее принадлежностью к когнитивно-дискурсивной парадигме современного гуманитарного знания, центральное место в которой занимает принцип антропности.

В основе теоретических построений многих известных на сегодняшний день лингвистических направлений и школ лежит латентная посылка, согласно которой элементы языковой системы являются четко определенными, а их связи заданными. Эта посылка является «жестким ядром», или «отрицательной эвристикой» [2, с. 79], научно-исследовательской программы ^[*1], базирующейся на понимании языка как системы нейтральных знаковых форм, предназначенных выражать мысль. Данная трактовка языка может быть детализирована в следующих постулатах. Во-первых, означающее и означаемое в языке находятся в отношении строгой взаимной предопределенности. Из этого следует, во-вторых, что языковые знаки интерпретируются одинаково всеми членами языкового сообщества. Сами эти знаки, в-третьих, предстают как «средства», пригодные для выражения любых мыслей, одинаково послушно и безразлично обслуживающие все группы и слои общества.

Очевидно, что данная научно-исследовательская программа является воплощением гносеологического принципа детерминистского абсолютизма ^[*2]. Реализацию этой программы в языкознании можно было бы назвать лингвистикой раннего модерна, представляющей свои объекты – языковые единицы – как элементы иерархической системы с единым центром и целью (ср. правительство, армия, школа и т.п.). Такие единицы мыслятся как четко ограниченные во времени / пространстве, линейные, т.е. имеющие начало, продолжение и конец.

Нетрудно убедиться в том, что в реальности своего существования язык никогда не соответствует этому определению в точности, поскольку в

контекстном употреблении языковых знаков проявляются не только их семиотические характеристики, но и субъектно обусловленные, прагматические свойства, оказывающие существенное влияние на ход коммуникации. Примирить живую эмпирику с принципами, полагаемыми «неопровержимыми» в рамках абсолютистской исследовательской программы, входит в задачу вспомогательных гипотез, которые, в соответствии со своим предназначением, являются изменчивыми, «опровержимыми». Призванные обеспечить неприкосновенность фундаментального ядра теории, эти более детальные и сложные гипотезы называются «положительными эвристиками» [2, с. 83] ^[*3].

К «положительным эвристикам» научно-исследовательской программы абсолютного детерминизма относятся столь разнородные направления лингвистической мысли, как структурная и генеративная лингвистика. Для них является общим понимание языка как отдельного модуля мышления, принцип автономности синтаксиса, а также четко определенная и полностью композиционная семантика. Научно-исследовательская программа абсолютного детерминизма привлекательна для лингвистов, прежде всего, тем, что она существенно упрощает задачи научного поиска, сводя их к сортировке конечного числа четко определенных языковых сущностей в соответствии с различными критериями.

Обоснованность этого подхода, однако, представляется сегодня весьма проблематичной, особенно в свете научных достижений, толчком к которым послужило открытие Вернером Гейзенбергом принципа неопределенности ^[*4]. Ученые, работающие в самых разных областях научного знания, постепенно пришли к пониманию относительности детерминации и универсальности неопределенности. Вследствие появления этого более совершенного варианта детерминизма – вероятностного, стохастического – лапласовский детерминизм утратил свои позиции универсального гносеологического принципа и предстал в качестве «предельного случая» вероятностного детерминизма: абсолютно детерминированным может быть лишь канонический, идеальный образец, который вряд ли будет иметь место там, где наблюдается присутствие субъекта

(то есть в реальной действительности). В сфере языкознания эти методологические сдвиги послужили почвой для зарождения когнитивной лингвистики^[*5].

Когнитивная лингвистика исходит из того, что значение высказывания не может быть сведено к объективной характеристике ситуации, являющейся предметом сообщения: не менее важным является и ракурс, выбираемый «концептуализатором» при ее рассмотрении [1, с. 73], т.е. способ концептуализации предметной ситуации.

Когнитивная лингвистика не представляет собой методологически единого направления, что влечет за собой различные способы понимания концептуализации. Анализируя сложившуюся на сегодняшний день ситуацию, Д. Герэртс, С. Гронделерс и П. Бакема выделяют в когнитивной лингвистике, с одной стороны, интроспективный подход А. Вежбицкой [9], с другой, эмпирический подход психолингвистов (см., напр.: [8]) и исследователей в области корпусной лингвистики (см., напр.: [5]). Большая же часть работ в данной области, констатируют они, располагается между этими полюсами [6, с. 163].

А. Вежбицкая, постулируя существование глубинных семантических структур – семантических примитивов, наличие которых дает людям возможность понимать друг друга и порождать другие значения – занимает позицию, согласно которой концептуализацией является лингвистическая организация уже существующего индивидуального ментального содержания. Значением в ее понимании является «знание, *что*», то есть компетенция (*competence*). Иными словами, согласно подходу А. Вежбицкой, ментальные репрезентации являются единицами представления мира в голове человека, стоящими вместо чего-то в реальном или вымышленном мире и поэтому замещающими это что-то в мыслительных процессах, то есть символическими структурами. Такой подход предполагает, что человеческий интеллект может изучаться как материальная система символов. В этой связи естественным образом возникает аналогия между работой мозга и компьютера, который также

оперирует символами. Эта аналогия обусловила название данной линии анализа, которое распространено в западной когнитивной лингвистике – символическо-репрезентационное направление.

Данное направление когнитивной лингвистики можно было бы отнести к позднему модерну, моделирующему свои объекты в виде полицентрических структур, в которых место цели занимает система правил, которые субъекту надлежит отыскать (ср. рынок, мораль, право, традиция и т.п.).

Существует и другое направление когнитивной семантики, известное как коннекционизм. Его представители рассматривают в качестве значения «знание, как», то есть как употребление языка (*performance*). Концептуализацией в их понимании является языковая организация предметной ситуации в общем межличностном мире коммуникантов. Отрицая как крайний объективизм, так и радикальный идеализм, коннекционисты занимают объективистскую позицию в вопросе о существовании экстралингвистического мира, который независим от восприятия и понимания субъекта, хотя его часть, идеальная сторона действительности, существует лишь в силу существования субъекта. Коннекционисты, однако, не являются объективистами в трактовке значения, полагая, что последнее не может быть переведено в независимые от разума категории. Они определяют свою методологическую позицию как «реализм опыта». Предлагаемые коннекционистами модели получили название субсимвольных, поскольку они отвергают автономный символ как носитель смысла. Если в символическо-репрезентационных моделях извлечение знания требует обращения к «готовой» репрезентации, а новые знания сличаются с уже имеющимися, извлеченными или переведенными из долговременной памяти в кратковременную, то в коннекционистских моделях знания как бы создаются заново [1, с. 88].

Становление коннекционизма в лингвистике тесно связано с появлением нейропсихологических моделей деятельности мозга, в которых эта деятельность описывается с помощью представления о коннекциях (связях) нейронных обоснований, формирующих определенную сетку этих связей [там

же, с. 87], т. е. моделей интерактивной обработки информации, осуществляемой параллельно (*parallel distributed processing*). В то время как в символьных сетях каждый узел представляет собой концепт, в коннекционистских моделях отдельные элементы сети никакой концептуальной интерпретации не имеют [там же, с. 88]. Концепт «собирается» в параллельной обработке взаимодействующих друг с другом элементов сети – концептуальных признаков. При такой трактовке лингвистические структуры и отношения в конечном счете сводятся к когнитивной обработке, которая протекает как нейрологическая деятельность мозга.

Содержание языкового знака в коннекционистских моделях предстает не как объект, а как интерактивная функция, «событие связи между различными и лишь отчасти соизмеримыми знаковыми системами» [7, с. xii] – ментальными репрезентациями и лингвистическими знаками, то есть как информация, которая конструируется говорящими в дискурсе. Соответственно, компьютерная метафора речевой деятельности уступает место метафоре нейронной. Одним из важных следствий такого подхода является признание того, что концептуальные структуры естественного языка, как правило, имеют стохастическую природу [4, с. 54].

Коннекционистское направление когнитивной лингвистики является по своей сущности аналогом постмодернизма, который, по словам Ж.-Ф. Лиотара, не является течением, а представляет собой скорее умонастроение, интеллектуальный стиль [3, с. 19]. Как творческая установка постмодернизм являет максимум интеллектуально-игрового, эвристического, рефлексивного. Именно такие «нелинейные» свойства языка, как повторение, прерывистость, излишество, парадоксальность, ироничность, комизм, ложь, игра оказываются в центре внимания современных лингвистов-когнитологов.

В заключение отметим, что зарождение и становление когнитивной лингвистики представляет собой закономерный процесс, развивающийся во второй половине XX – начале XXI в.в. в полном соответствии с эволюцией гуманитарного и естественнонаучного знания. Общий вектор развития этого

направления лингвистической науки можно определить как тенденцию к углублению представлений о мотивированности значения человеческим опытом в единстве его динамического и статического аспектов.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Отрицательная эвристика», согласно Лакатосу, – это методологическое правило, которое, по решению сторонников научно-исследовательской программы, полагается «неопровержимым». Совокупность отрицательных эвристик – это «жесткое ядро» программы.

² Гносеологический принцип детерминизма является философским основанием любого научного знания. В соответствии с так называемым лапласовским вариантом этого принципа, или абсолютным детерминизмом, мир полагается устроенным так, что из его состояния в настоящий момент можно вывести, что было в прошлом, и предвидеть, что свершится в будущем.

³ «Положительная эвристика» – это совокупность приемов, с помощью которых можно изменять «опровержимую» часть программы, чтобы сохранить в неприкосновенности ее ядерную часть. По замечанию Лакатоса, положительная эвристика выручает ученого от замешательства перед океаном аномалий. Она является более гибкой, чем отрицательная.

⁴ Принцип неопределенности устанавливает теоретический предел точности любых измерений. В квантовой механике он проявляется в том, что измерение координаты частицы обязательно влияет на ее импульс, соответственно, последняя не может быть одновременно описана как «классическая точечная частица» и как волна.

⁵ В западной когнитивистике написание составляющих термина «когнитивная лингвистика» является значимым: название направления языкознания, противопоставляемого структуральной лингвистике своим обращением к исследованию структур сознания, пишется строчными буквами (*cognitive linguistics*), а название направления, противопоставляемого генеративной лингвистике в своей трактовке языкового знака, строения языка и понимании природы языковой способности человека – с заглавной (*Cognitive Linguistics*). Несмотря на то, что далее речь идет именно о последнем направлении, мы следуем принятому в восточноевропейской лингвистике образцу написания данного термина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — М. : Изд-во МГУ, 1996. — 245 с.
2. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / Имре Лакатос ; [пер. с англ. В. Н. Поруса]. — М. : Медиум, 1995. — 235 с.
3. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Жан-Франсуа Лиотар ; [пер. с фр. Н. А. Шматко]. — М. : Ин-т экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 1998. — 160 с.

4. Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — №1. — С.53—64.
5. Geeraerts D. Idealist and empirical tendencies in cognitive linguistics // Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, Methodology / Ed. by Th. Janssen, G. Redecker. — B., N.Y. : Mouton de Gruyter, 1999. — P. 163—194.
6. Geeraerts D. Structure of Lexical Variation : Meaning, Naming, and Context / D. Geeraerts, S. Grondelaers, P. Bakema. — B. : Mouton de Gruyter, 1994. — 221 p.
7. Ruthrof H. Semantics and the Body: Meaning from Frege to the Postmodern. — Toronto, Buffalo, L.: University of Toronto Press, 1997. — 321 p.
8. Sandra D. Network analyses of propositional meaning : Mirroring whose mind — the linguist's or the language user's? / D. Sandra, S. Rice // Cognitive Linguistics. — 1995. — Vol. 6. — P. 89—130.
9. Wierzbicka A. Lexicography and Conceptual Analysis. — Ann Arbor : Karoma, 1985. — 368 p.

© Морозова Е. И., 2012.

Morozova E. I.

PRESENT-DAY RESEARCH PROGRAMS FOR INVESTIGATING LANGUAGE